

Нэлли Поль – актриса из Волголага

Нэллиполь, нэллиполь, нэллиполь... звуко сочетание как мелодия серебряного колокольчика вдруг вернулось из далёкого детства. Потом мелодия прояснилась, разделилась на два слова: Нэлли Поль. И потянулась ленточка воспоминаний.

Тяжёлый 1943 год. Провинциальная глубинка. Тихий старый городок, но и он, как вся страна, живёт тревогой и вестями с войны, отдаёт свою молодёжь на фронт, затаившись, ждёт почтальонов, встречает раненых.

И вдруг горожан ошеломила весть – в Пошехонье с концертом приедут заключённые из Волголага. Труппа приезжала даже дважды. Мне довелось встречаться с немногими оставшимися зрителями концертов. Они вспоминают о тех событиях, как будто это было вчера.

Артистов привозили на грузовике, с охраной. Режиссёром концертов была Наталья Сац, тогда тоже осуждённая, потом знаменитая на весь Союз основательница Московского детского музыкального театра «Синяя птица». Зал Дома культуры был переполнен. Зрители помоложе сидели прямо на полу.

Среди артистов пошехонцы особенно отметили красивую певицу Нэлли Поль. Она отлично исполняла романсы и арии из оперетт «Мадемазель Нитуш», «Свадьба в Малиновке». Были ли цветы – никто не вспомнил, но аплодисментов артисты получили в изобилии.

А после войны в городе вдруг появился новый человек: молодая женщина с особой манерой одеваться. Как яркое пятно на будничном, тревожном фоне. Она любила необычного пороя платья, которые, как стало известно горожанам, шила сама. До сих пор старожилы помнят её «цыганские» юбки: одна была ярко-оранжевая, другая – крупные розы на чёрном фоне.

Носила длинные, до плеч клипсы, тоже ярких цветов. Никто не умел так ходить и вообще двигаться, как она: гибкая, пластичная, стройная. Ну совсем не такая, как другие! И голос у неё был особенный – звонкий, чистый, с каким-то удивительным акцентом. Моя собеседница Клара Ильинична Клинова-Горчакова, рассказывая об этом, вдруг произнесла каким-то незнакомым голосом: «Клара, в магазин сельхозку привези!»

Многие признали сразу – Нэлли Поль! Потом постепенно узнали некоторые детали её биографии. Сейчас уже трудно отделить правду от вымысла. Родилась Нэлли, кажется, в 1916 году, полячка по национальности, мать работала вроде бы в каком-то министерстве, воспитывал девочку дядя, артист Улиан Поль-Полонский.

Повзрослев, Нэлли сама служила то ли в Московском, то ли Калининском театре оперетты. Потом попала на десять лет в Волголаг. Что стало тому причиной – никто из наших собеседников вспомнить не смог.

Когда пришёл день освобождения из Волголага, выяснилось, что в Москву ей въезд закрыт. Надо было решать, где жить. Может быть, Нэлли вспомнила тёплый приём «на гастролях», может, тогдашнее руководство пригласило её, но Нэлли выехала в Пошехонье, ей дали комнату. Стала работать художественным руководителем в Доме культуры и руководить драмкружком в школе №1.

Молодёжь сразу прониклась к ней симпатией. Зато многие родители обеспокоились: а как окажется общение с артисткой, вчерашней арестанткой, на их детях, не повлияет ли она на них плохо? Очень непохожа на других. Да ещё курит из конца! И уже чуть местная девушка наденет что-то нарядное, тут же её осудят: оделась, как Нэлли Поль!

Но Нэлли Поль всё равно стала центром культурной жизни города. Какая она была? Чудом сохранились в семье Клары Клиновой два фотоальбома – единственное имущество Нэлли, оставшееся после её смерти. Тогда, в 50-х годах, она была очень хороша собой.

На одной из фотографий – выступление на сцене. Бедный фон. Женщина в длинном платье. Юбка в складку, светлая с тёмными полосами, поднятая кончиками пальцев, как полукруг. Красивая причёска, цветок в волосах. Вроде бы концерт в Волголаге.

Несколько любительских фотографий, сделанных уже после войны на какой-то площадке. Нэлли со здешней своей подругой Бэлой Суворовой и старшеклассниками. Нэлли – в полосатой кофточке с бусами, в тубетейке. Просто весёлые снимки – танцевальные сценки из спектакля. Нэлли с белой собакой... Лёгкая, подвижная.

Ещё одна фотография того же времени. Светлый костюм с цепочкой пуговиц на лифе. Волнистые волосы на прямой пробор. Голова чуть наклонена к плечу. И удивительное выражение лица. Улыбка как-то краешком губ. Глаза – живые, блестящие, но с затаённой печалью. Кларе вспомнилось, как однажды, ничего не рассказывавшая о своём прошлом Нэлли, проговорилась: за решёткой ей бывало так тяжело, что она готова была покончить с собой.

Теперь свободная, она никогда не показывала свою печаль, приходила в школу и Дом культуры будто на маленький праздник. И как к ней привикали дети и взрослые, можно показать на примере Клары Клиновой. Девочкой Клара занималась в школьном хоре у Нэлли и привлекла её внимание. Однажды Поль предложила прийти в Дом культуры, в драмкружок – для неё специально попробует поставить интермедию «Азовское море», и Клара до сих пор помнит свою роль. Видно, в семье Клиновых задатки артистизма были давно. Дочка помнила, что отец Илья Алексеевич, служащий банка, страстно ув-

лекался самодеятельностью. Дома хранится его фотография в роли шекспировского Меркуцио. С фронта отец не вернулся.

Семье жилось плохо. И театр, сцена, премьеры и чай за кулисами, когда Нэлли читала для артистов любимого Сергея Есенина, оставили навсегда ощущение счастья... Но пришлось рано думать о заработке. Клара окончила краткосрочные библиотечные курсы и уехала в Барковский клуб в тридцати километрах от Пошехонья. И заскучала – сбегала в город, в театр.

А там было интересно. Вокруг Нэлли объединились любители искусства. И создали колхозно-совхозный театр.

Таланты нашлись: ещё не разъехавшиеся блокадники, эвакуированные сюда из Ленинграда, потом ссыльные, местные жители: Клавдия Стрелкова, актриса из приезжих, потом работала в Доме культуры, Алексей Перфильев – заведующий отделом культуры, Лев Клочков – кинемеханик, Владимир Берёзин – трубач из духового оркестра, Генрих Мюллер – учитель, Владимир Добровский – инженер-лесозаготовитель из посёлка Зубарево, Василий Яковлев, Людмила Фраджелли, Владимир Балакирев, Борис Ви-

тушкин... В районе их знали все. Каждый месяц в Доме культуры обязательно готовили новый концерт. Без перерыва шли репетиции новых спектаклей, чаще чеховские и современные комедии. Клара запомнила: Нэлли предпочитала именно комедии, считала, что драм в жизни и так много.

Театр выезжал «на гастроли» – в любую глубинку района, во Владычное даже летали самолётом. Были назначены командировочные – один рубль. Играли в холодных, плохо освещённых клубах, но всегда с успехом. Нэлли, исполнявшую романсы (в том числе свои любимые «Не жалею, не зову, не плачу»), «Клён ты мой опавший»), обычно вызывали на бис по несколько раз, скандируя: «Нэлли Поль! Нэлли Поль!» Слава о пошехонцах пошла по всей области. Ими заинтересовались волковцы, у них прово-

дили свои мастер-классы Фирс Шишигин, Сергей Ромоданов. От Фирса Клара даже услышала незабываемый комплимент:

– Сразу видно – прима!

А Нэлли предложила прима Кларе главную роль в «Барабанщице» и хотела, чтобы девушка выходила на сцену в шортах и с сигаретой. Клара решительно отказалась, в Пошехонье така трактовка не годилась. В остальном она своему режиссёру доверяла полностью. Даже и за кулисами.

В 1959 году в Пошехонье был создан Народный театр. Это стало большим событием в районе и... причиной разных сложностей. В городе оказалось целых два театра! И двух режиссёров держать на одной сцене стало накладно: Нэлли перешла в Дом учителя, многие артисты последовали за ней. Спектакли ставили не хуже, чем в Народном, также ездили на гастроли.

Конечно, были и обиды, и конкуренция, и столкновение интересов. Но именно в это время, после двадцати лет работы в Пошехонье, Нэлли предложили переехать в Рыбинск, на судостроительный завод, дали жильё, приличную зарплату. Директор отнёсся к ней с большим уважением и всячески поддерживал. Она стала художественным руководителем в Доме культуры, тогда ещё размещавшемся в здании, похожем на барак. Снова организовала театр, создала детскую студию, ставила танцы, при необходимости заменяла заболевших актрис.

В один из приездов в Пошехонье встретила грустную Клару Клинову и пригласила её в свой театр. Клара не колебалась ни минуты. В Рыбинске, дожидаясь места в общежитии, четыре месяца квартировала у Нэлли, увидела своего режиссёра в обычной жизни. А жила Нэлли Поль в крошечной комнате, где кроме дивана, стола, стульев и книжного шкафа ничего не было. Зато книг было множество. Жила просто, ни особых нарядов, ни украшений не имела. Ей почему-то много дарили игрушек после спектаклей, цветы она всегда приносила домой.

Спектакли пользовались успехом. И Клара снова была счастлива. В Доме культуры встретила она недавно демобилизованного из армии Бориса, который здесь же заведовал технической частью, играл на всех инструментах, хорошо танцевал. И влюбился в Клару. А она, всё-таки местная звезда, «перебирала» поклонников. Вот тут-то и сказала своё слово Нэлли Поль: «Борис – добрый, надёжный, золотые руки, в жизни с ним будет хорошо!»

На свадьбе у Клары и Бориса были руководители пошехонского и здешнего театров, друзья по обеим сценам. И Нэлли Поль, конечно.

Она проработала на СЛИПЕ – как до сих пор местные называют завод – десять лет. Собиралась в семье директора встречать Новый 1979 год, приделалась, села на диван – и не встала.

Провожали Нэлли на Ожное кладбище из нового Дворца культуры. На поминках были заводское руководство, друзья со СЛИПа и из Пошехонья. После похорон остались альбомы с множеством фотографий. Мужские – больше всего солдатские, от воспитанников драмкружка, женские – с детьми и трогательными словами благодарности за дружбу и внимание, от повзрослевших актрис, сама Нэлли с чужими малышами, с ласковой улыбкой и очень грустными глазами.

Клара теперь уже давно бабушка. И вопреки возрасту и недугам выглядит тоже очень хорошо, тоже сохраняет что-то особенное в причёске, одежде, языке. На прощание сказала, что, кажется, могла бы ещё сыграть какую-либо роль, пусть самую маленькую. В память о Нэлли Поль.

Инна КОПЫЛОВА.